

Традиционные праздники как духовно-ценностные ориентиры в досуговой культуре Дальнего Востока России (конец XIX — начало XX в.)

Галина Алексеевна Андриец,

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии на-
родов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: andriets2005@list.ru

В статье рассматриваются основные традиционные праздники как духовно-ценностные ориентиры в досуговой культуре дальневосточного региона во второй половине XIX — начале XX в. Отмечено, что культурные ценности возникают в формах повседневного и праздничного досуга. Основной составляющей праздничной культуры является праздник или совокупность праздников и связанных с ними обрядов, традиций, символов, накопленных человечеством и передаваемых от поколения к поколению. Определено, что праздничная культура легко усваивает общественные и культурные новшества, демонстрирует уровень и характер развития традиционной досуговой культуры, что отражается в конкретном торжестве. Подчёркнуто, что рождественско-новогодний цикл обычаев и обрядов, называемый Святками, наряду с религиозной выполняет развлекательную функцию. Обязательный ритуал включает организацию и проведение рождественских колядований и новогодних ёлок с благотворительной целью. Особой популярностью в период от Нового года до Крещения пользовался обычай гадания, который со временем утратил своё ритуальное значение и для большинства населения был весёлым молодёжным развлечением. Выявлено, что на Святки и в масленичную неделю праздничный досуг населения заполняли балы, маскарады, танцевальные вечера, участие в которых, а тем более победа в конкурсе костюмов, считались очень престижными. На Пасху устраивались уличные балаганы, качели, карусели, различные аттракционы, дома пекли куличи, красили яйца. Досуг состоял из праздничного богослужения, обязательно пасхального застолья, или разговения, похода в гости с поздравлениями и, конечно, народных гуляний. Автор приходит к выводу, что с ростом общественной активности и самосознания населения наряду с сохранением традиционной обрядности возникали новые формы праздничного досуга. А народные гуляния как нечто единое и цельное становились более организованными и зрелищными.

Ключевые слова: Дальний Восток, традиционные праздники, досуговая культура, духовные ценности, обряды, традиции.

**Traditional Holidays as Spiritual and Value Orientations
in Leisure Culture of the Russian Far East****(The Second Half of the 19th Century – The Early 20th Century).****Galina Andriets**, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: andriets2005@list.ru.

The paper examines the main traditional holidays as spiritual and value orientations in the leisure culture of the Far Eastern region from the second half of the 19th century until the early 20th century. It is noted that cultural values arise in the forms of everyday and festive leisure. The main component of the festive culture is a holiday or a set of holidays and related rituals, traditions, symbols accumulated by mankind and passed on from generation to generation. It is determined that the festive culture easily assimilates social and cultural innovations, demonstrates the level of development of traditional leisure culture, gives an idea of the nature of its development, which is reflected in a particular celebration. It is emphasized that the Christmas-New Year cycle of customs and rituals called Christmastide, in addition to the religious function, also performs the entertaining function. The obligatory ritual includes organizing and conducting Christmas carols and New Year's parties for charitable purposes. The custom of fortune telling was especially popular in the period from New Year to Epiphany, which over time lost its ritual significance and was a cheerful youth entertainment for the majority of the population. It was revealed that during Christmastide and Shrovetide week the festive leisure of the population was filled with balls, masquerades and dancing parties. The participation and, moreover, winning in a costume contest were considered very prestigious. At Easter, street booths, swings, carousels, various attractions were arranged, cakes were baked at home, eggs were painted. Leisure consisted of a festive church service, an obligatory Easter feast or breaking the fast, visits with congratulations and, of course, folk festivals. The author comes to the conclusion that new forms of festive leisure appeared with the growth of social activity and self-awareness of the population along with the preservation of traditional rituals. And folk festivals, as something unified and integral, became more organized and spectacular.

Keywords: Far East, traditional holidays, leisure culture, spiritual values, rituals, traditions.

Внастоящее время в российской исторической науке интерес к праздничной культуре подтверждается многочисленными попытками возродить народные традиции, использовать компоненты зрелищно-игровой культуры в современных массовых праздниках и гуляньях. На протяжении всей истории праздники сопровождали наиболее значимые моменты и периоды в жизни коллектива, государства, народа, религиозной общины или семьи. Традиционные народные праздники, включённые в систему православного календаря, имели не только сугубо религиозную и обрядовую сторону, но и «вполне светские традиции» [18, с. 2].

На рубеже XIX—XX вв. на Дальнем Востоке России культурные ценности возникали в формах досуга, в сфере культуры и отдыха. Любое торжество, кроме идейно-смысловой нагрузки, которая в религиозном празднике доминирует, содержит в себе и досуговый компонент. В системе духовных ценностей досуг занимает особое место и в последнее время всё чаще оказывается объектом исследовательского внимания [7; 14; 15; 17; 18; 20; 23]. При этом праздничная культура как часть традиционной культуры досуга изучена недостаточно [13; 17; 18; 20; 22; 23]. Она включает представления, умения и навыки, всю практическую подготовку праздника и его проведение. Бесспорно, основной составляющей праздничной культуры является праздник, а точнее совокупность праздников и связанных с ними обрядов, традиций, символов, накопленных человечеством и передаваемых от поколения к поколению. Французские исследователи, например, предлагают понимание «праздника» через социокультурную динамику, «когда сообщество развлекательным (игровым) способом подтверждает свойственные ему общественные и культурные отношения» [13, с. 70]. Тем самым праздник формирует в общественном сознании определённые духовные ценности и ритуалы. В данной работе мы опираемся на такое понимание праздника, которое чаще всего ассоциируется с эмоциональным восприятием, как «изъятые из повседневности общественные события торжественного характера» [13, с. 70].

Целью статьи является рассмотрение основных традиционных праздников как духовно-ценностных ориентиров в досуговой культуре городского населения юга Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX в. Особое внимание уделим характеристике традиционных обрядов и обычаев, общепринятых в праздничной культуре русских дальневосточников, отметим массовость и зрелищность праздников, включённых в систему православного календаря, выявим новые формы культурно-развлекательных мероприятий в традиционном праздничном досуге горожан.

Надо сказать, что данная статья является самостоятельным исследованием по указанной теме и существенно дополняет ранее опубликованные автором работы [4; 5; 6]. За рамками исследования остаются полиэтничный и поликонфессиональный аспекты праздничной культуры. Принимая во внимание высказывание о том, что культурная жизнь дальневосточных городов «развивалась в том же направлении, что и культурная жизнь центральной России» [4, с. 217], некоторые региональные аспекты традиционной праздничной культуры обосновываем в работе с общероссийских позиций.

Праздник — явление многогранное и многофункциональное, в сознании человека он не только ассоциируется с определёнными датами и выходными днями, но и вызывает особый душевный подъём. Благодаря этому праздничная культура легко усваивает общественные и культурные новшества, даёт представление об уровне и характере развития традиционной досуговой культуры, что отражается в конкретном торжестве [23, с. 1, 12—13].

Все значимые даты традиционного праздничного календаря включают три основных составляющих. Прежде всего, это сбор в кругу семьи как демонстрация сплочённости родственников. Обязательное посещение храма свидетельствует о приобщении присутствующих к высокой духовности. И, наконец, выход на улицу, «в народ», подчёркивает единство общества и даёт возможность для проявления естественной природы человека. Таким образом, подтверждается основная сущность праздника — объединение в общем устремлении, преобразование себя и мира, приобщение к непреходящим ценностям [17, с. 4].

Существенное влияние на общественную жизнь населения дальневосточной окраины оказывала церковь, для подавляющего большинства — православная. Чередование труда и отдыха, формы и характер проведения досуга во многом определялись датами религиозного календаря, обязательного для всех. В рождественско-новогоднем цикле традиционных обрядов, направленных на обеспечение плодородия и благополучия в наступающем году, выделялись Святки [21, с. 570], проходившие обычно с вечера 24 декабря по 6 января по старому стилю. Праздничные дни от Рождества Христова до Крещения наряду с религиозной выполняли развлекательную функцию, считались самым оживлённым и весёлым временем года, особенно у молодых людей. Обязательный ритуал включал организацию и проведение рождественских и новогодних колядований (колядок), широко известных и распространённых в народной среде. Молодёжь, как правило, весёлой гурьбой обходила дома с пожеланиями благополучия хозяевам, за что получала вознаграждение, обычно продуктами. Утром на Новый год мальчики поздравляли домохозяев, исполняли праздничный тропарь, рассыпали семена — «засевали». Детям дарили мелочь. Всё, что удавалось наколядовать, «шло на устройство праздничных вечеринок и бесед, которые... отличались особым разгулом и многолюдностью» [21, с. 570].

Со второй половины XIX в. на Дальнем Востоке был распространён обычай ряжения, в котором принимали участие не только мужчины, но и женщины. В социальном отношении основными его участниками были мелкие канцелярские чиновники, мещане, казаки. Нижние чины оставались в форме. Обычно использовались традиционные маски — конь, коза, бык, старик и старуха. В начале XX в. стали популярными бытовые маски — доктор, цыган и цыганка и др. На святки разыгрывали народные драмы — «Лодку», «Царя Максимилиана», «Голого барина» [21, с. 570]. Так, в 1853 г. весело и оживлённо прошли Рождество и Новый год в домике у Г.И. Невельского. В честь праздника из скудных запасов каждый сотрудник возглавляемой им Амурской экспедиции получал по 12 фунтов белой муки, по 10 фунтов масла, по полфунта чая и по чарке водки. Произносились тосты, гости пели, танцевали, даже разыгрывали сцены из «Недоросля»; днём дамы и офицеры катались с гор на санках, собачьи и олени упряжки мчали их по снежному заливу. Не скучали и в Николаевском

посту, откуда пришло следующее сообщение: «Мы встретили праздник, как следует встретить праздник... русским людям, обедали все вместе... вечером по охотскому положению была вечерка» [1, с. 118—119].

Неотъемлемым атрибутом зимних календарных праздников была рождественская благотворительная ёлка, устраиваемая бесплатно с раздачей подарков. Например, моряки Владивостока организовывали ежегодный праздник для детей из бедных семей. Ёлку ставили в канцелярии Сибирского флотского экипажа в деревянной казарме, украшали её апельсинами, яблоками, конфетами, многочисленными свечами. В соседнем помещении накрывали столы, готовили угощение и подарки детям. Торжественная часть состояла из театрального представления, народных песен, комических сценок, которые разыгрывали сами матросы. Один из посетителей такой «экипажной ёлки» Н.П. Матвеев (Амурский) впоследствии вспоминал, что дети «были рады, довольны и сияющи, как первые богачи в мире» [3, с. 106].

В Хабаровске 30 декабря 1893 г. на ёлке для гимназисток и кадетов новогодние подарки вручали Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской с супругой [11, с. 46]. Вот как вспоминает зимние праздники 1894—1895 гг. В.Ф. Духовская: «В первый день Рождества пять молодых хохлушек-переселенок пришли к нам колядовать, по малороссийскому обычаю. 26 декабря [1894] аллегри прошёл у нас ещё удачнее, чем в прошлом году... Народу было очень много, преимущественно солдаты и китайцы, играл хор военной музыки. Вечером мы отправились на любительский спектакль в Военном собрании... 1 января [1895] у нас опять была ёлка для кадет и гимназистов, собралось до ста пятидесяти детей; в антрактах между танцами один из учителей городской школы показывал им волшебный фонарь. Накануне ёлки Рамзайцева одела дворника гимназии Дедом Морозом, каждая девочка должна была передать ему билетик, на котором написано, какой она желает получить подарок на ёлке. Многие писали: „Милый дед, я хочу куклу“, но были и такие, которые пожелали зеркало» [8, с. 105, 110]. В Харбине в начале XX в. ёлка в «Детском маяке» Е.Н. Соколовой доставляла много удовольствия обилием развлечений — сценки, живые картины, хоры, дуэты и соло, «микроскопический», по возрасту исполнителей, балет, трогательная сценка «Солдат и старушка», жизнерадостные «Кузнецы» и страшный «Стёпка-растрёпка» [12, с. 14].

Празднества по поводу зимних Святков проводились в открывшихся к тому времени всевозможных общественных и культурных учреждениях. Наиболее в этом деле преуспели хабаровские пожарники, чьи торжества славились значительным числом гостей и хорошей подготовкой. Так, для новогоднего маскарада 1899 г. специалисты по борьбе с «красным петухом» с большой изобретательностью украсили зал пожарными арматурами, а в центре соорудили витрину с призами в виде пожарной каланчи [9, с. 33]. А Хабаровское общественное собрание на Рождество

и встречу нового, 1902 года проводило членский маскарад, танцевальный вечер, вечер Общества вспомоществования нуждающимся учащимся [19, 1901, 23 дек., с. 13]. Вечером 1 января для «избранного общества» в доме главы местной администрации, как правило, давался костюмированный бал.

Участие в подобных вечерах, а тем более победа в конкурсе костюмов, считались очень престижными. Об этом свидетельствовали ценные подарки победителям (например, золотые часы), которые заказывали в столице. Чтобы выбрать самого достойного, члены жюри без предварительного обсуждения опускали свои купоны в специальный ящик. Подсчётом голосов занимались помощники, выбранные из публики. Описание лучших «масок» появлялось в местной прессе. Особенно ценились так называемые идейные костюмы, т.е. выражающие какую-то мысль оригинальным способом. Например, в 1899 г. костюм-сенсация состоял из двух половин, сшитых вместе: арестантского одеяния с бубновым тузом на спине и шикарной «тройки» с массивной золотой цепью на жилетке; головной убор также являл собой странный союз войлочной шапки с шелковым цилиндром. Были и «чернушные» наряды, обладатели которых шокировали отдыхающую публику в надежде получить приз. Так, в 1907 г. один из участников маскарада носил на спине гроб, старательно изображая усопшего, что, по замыслу автора, символизировало «смерть свободного слова» [9, с. 33].

Военное ведомство в праздничные дни обычно выделяло дополнительное довольствие. Так, по Приказу командира 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (крепость Владивосток) полковника Цыбульского от 17 декабря 1906 г. № 354 было выписано «в расход из ротных сумм каждой строевой роты по 50 руб., а нестроевой 100 руб.», всего «900 руб. для выдачи ротным командирам на устройство ёлки и улучшение пищи нижним чинам в Рождественские праздники. На устройство кутьи на сочельник выдать в роте по 1/4 фунта риса на человека и по 5 фунтов мелкого сахара. Выписать в расход из артельных сумм каждой строевой роты по 50 к., а всего 8 руб. для выдачи Поручику Соболеву на улучшение пищи хлебопёкам в день Рождества» [ГАПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 191, 192 об. — 193].

Традиция отмечать зимние праздники сохранялась и в военное время. Например, в годы Первой мировой войны в 1915 г. «Вечерняя газета» поздравила читателей г. Владивостока с «великим праздником Рождества Христова» и опубликовала следующую программу. В театре-иллюзии «**Золотой Рог**» в субботу 26 декабря кинематографические картины «*В год кровавых испытаний*» (драма из военной жизни в 3-х отделениях: 1) Накануне войны, 2) Клятва верности, 3) Да здравствует армия!!!), «*Военная хроника последних мировых событий*» (с театра военных действий), «*Мышонок сосватал*» (комические сцены). Утренний спектакль труппы малорусских артистов К.Л. Кармелюка-Каменского (по Гоголю)

с пением и танцами (начало в 1 час дня). 31 декабря — «1-й Грандиозный Бал-Маскарад и встреча Нового года с раздачей ценных призов за идейный и на злобу дня костюмы» (2 мужских и 2 дамских приза). **Народный Дом.** В субботу 26 декабря — «Тарас Бульба», драма в 4-х действ. Н.В. Гоголя (начало в 8 час. вечера). **Пушкинский театр.** Вечером 27 декабря — «Запорожец за Дунаем», опера в 3-х действ., музыка Гулак-Артемовского; «День правды», водевиль в 1-м действ., соч. Товстоноса. Днём 28 декабря — «Невольник», драма в 5 д. с пен. и танц., соч. Кропивницкого; вечером — «Ой не ходи Грицю, та на вечерницю!», драма в 5 д. с пением и танцами, соч. Старицкого [10, 25 дек., с. 1–2].

Особой популярностью в период от Нового года до Крещения пользовался обычай гадания, который со временем утратил «своё ритуальное значение и для большинства населения... [стал] весёлым молодёжным развлечением. Гадали преимущественно девушки о своём будущем замужестве». На Крещение, которым завершался рождественско-новогодний цикл празднеств и гуляний, совершался «массовый крестный ход с водосвятием на Иордань — специально оформленную прорубь на местном водоёме...». Подготовка процессии и устройство проруби также были общественным делом, «в нём принимали участие все от мала до велика. Из проруби брали освящённую (святую) воду», многие окунались в ледяную купель [21, с. 570]. Например, в 1895 г. в Хабаровске на крещенское водосвятие «хохлы-переселенцы вырубали во льду громадный крест, выкрасили его и поставили стоймя на реке» [8, с. 110].

В праздничную культуру Дальнего Востока большое оживление вносил Новый год по лунному календарю, отмечавшийся в течение нескольких дней весельем и гуляниями. Так, празднование китайского Нового года 14 января 1895 г. в Хабаровске длилось всю ночь. Как вспоминал очевидец, «китайцы расхаживают по улицам на ходулях, с разноцветными фонарями в руках» [8, с. 110]. Во Владивостоке «народ» обычно посещал выступления проезжающих акробатов и фокусников, смотрел на китайские представления, которые совершались в то время прямо на площадях, на открытых подмостках, любовался китайскими праздниками, «когда сыны Небесной империи по городу своего Дракона носили или ходили процессиями на ходулях» [16, с. 179–180]. Иногда русские ходили в гости к китайцам.

В народной среде годовой цикл календарных праздников дополняла весёлая и шумная Масленица. В отличие от других праздников, она «не имела христианского осмысления и отмечала лишь начало Великого поста перед Пасхой». В обрядовой атмосфере, восходящей к древнему язычеству, были естественны шуточные сценки, проказы ряженных. Масленичное общение носило в целом разгульный характер. Одна из основных обрядовых форм — «хождение в гости и приём гостей» — сопровождалась обильной жирной едой. «Атрибутом Масленицы стали блины, которые поедались в большом количестве» [21, с. 570]. В хабаровском высшем

обществе было принято днём после блинов ездить на тройках на Красную речку пить чай. Для народа на плацу устраивались качели. В Общественном собрании читались лекции. В частности, супруга Приамурского генерал-губернатора В.Ф. Духовская вспоминала, как «...вечером... лектор Лапин читал назидательную лекцию о любви» [11, с. 48].

Надо сказать, что дальневосточная интеллигенция с большой ответственностью относилась к своей просветительской миссии и старалась заполнить праздничный досуг «простого народа» полезными занятиями. Например, в 1897 г. газета «Приамурские ведомости» сообщала, что на масленичной неделе в столовой 10-го Восточно-Сибирского линейного батальона военными под руководством штабс-капитана и поручика Конакова было устроено несколько солдатских спектаклей для нижних чинов и их семейств, в числе которых драма «Правому Бог защита» и комедия-шутка «Солдатская любовь». Театрализованные представления завершались хорovým пением русских и малорусских народных песен с плясками, игрой оркестра балалаечников, хора духовой музыки окружного штаба, исполнением клоунских сценок [19, 1897, 23 февр., с. 8; 2 марта, с. 7]. Примечательно, что развлекательными мероприятиями в масленичную неделю охватывались все горожане, включая извозчиков, которые обычно мёрзли у подъездов, дожидаясь посетителей. В то время как в зрительном зале шёл спектакль, извозчики смотрели на экране, укрепленном на краю крыши одного из зданий, «туманные картины» [19, 1897, 2 марта, с. 8].

В течение всей масленичной недели проходили танцевальные вечера, балы, маскарады. Одним из наиболее удачных оказался масленичный вечер 1906 г., на котором женскому костюму «Хабаровская пресса» была присуждена первая премия. На юбке, сшитой из трёх полос, окрашенных в цвета российского флага, были напечатаны названия выходящих в г. Хабаровске газет с соответствующими девизами. На белой полосе была представлена газета «Приамурские ведомости» с девизом «Что прикажите?»¹, на красной — «Приамурье» с девизом «И нашим и вашим», на синей — «Свободное слово» с шеренгой из знаков «?» и «!». В верхней части юбки-досье имелись кармашки, в которых были размещены «сотрудники»: ножницы, клей, кисточки и столичные газеты. На голове «Хабаровской прессы» была шляпа, сделанная из печатных полос в форме утки с торчащим пером. Лучшим мужским костюмом был назван «Народный митинг». Он представлял сборную конструкцию: скамейка, два сидящих на ней крестьянина — «председатель» и «секретарь» с балалайкой, водкой и закуской в руках. Передвигаясь с лавкой по залу, «митинг» забавлял отдыхающих на протяжении всего праздника [9, с. 34].

Самая любимая масленичная забава — публичное катание в санях и с ледяных гор — была распространена как в городе, так и в сельской местности. С конца XIX в. сохранялся обычай накануне Масленицы

¹ Орфография источника сохранена.

заливать ледяные горки, только в сёлах их устраивали вдоль или поперёк рек, а в городах возводили на площадях. В масленичных гуляниях участвовали все слои населения. Для детей устраивали бесплатный каток, выдавали коньки, санки. Подобные масленичные катания, по мнению современников, сохранялись в начале XX в. по традиции и были направлены только на светские цели: доставить удовольствие от быстрой езды, показать богатство экипажа и красоту упряжи, для молодых — блеснуть своей удалью [15, с. 127].

Горки и празднично украшенные улицы во время народных гуляний становились своеобразной сценой, где присутствующие одновременно оказывались и зрителями, и действующими лицами. «Масленичное гуляние заканчивалось обрядом проводов масленицы, в котором принимало участие много народу: жгли костры, провозили чучело, сжигали его или разрывали на куски и разбрасывали по полям» [21, с. 571]. В целом после Масленицы общественная жизнь замирала.

Цикл весенних праздников начинался обычно за неделю до Пасхи, в субботу накануне Вербного воскресенья, и славился вербными базарами. Особенность последних состояла в том, что и покупатели, и продавцы участвовали в торге по привычке. Представленные товары были в основном низкого качества и большой прибыли не приносили. На Страстной неделе осуществлялась подготовка к предстоящим торжествам: приобретались подарки и обновки, делалась генеральная уборка, готовился праздничный стол. Театральные представления и увеселения были запрещены [20, с. 17–18].

Первым и наиболее значимым праздником, который наступал после Великого поста, была Пасха, отмечаемая согласно церковному календарю, но не ранее 22 марта и не позднее 25 апреля. Все запрещённые в период строгого поста общественные развлечения возрождались вновь и продолжались всю пасхальную неделю. Обычно на площадях устраивались качели, карусели, балаганы, различные аттракционы и др. Например, в 1909 г. Владивостокская городская управа разрешила крестьянину Орловской губернии Афанасию Андреевичу Иванину построить в городе деревянный балаган для народного (в том числе циркового) увеселения на Пасхальной и Фоминой неделях [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 653. Л. 29]. А в 1910 г. было дано разрешение местному мещанину Павлу Сладкову поставить на Пасху «карусель Панораму и тир практической призовой стрельбы» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 654. Л. 296]. В простонародной среде кроме вышеуказанных развлечений были популярны специфические пасхальные игры — «биться яйцами» и «катать яйца» [15, с. 130]. В «высшем обществе» накрывали обильные пасхальные столы, вели приёмы, дарили подарки. Так, супруга генерал-губернатора В.Ф. Духовская вспоминала, что в честь Великого Христова Воскресенья ученицы женского училища преподнесли ей в дар вышитую подушку и два яйца, на которых были искусно вырезаны имена всех учительниц [11, с. 48].

По традиции подготовку к празднику Пасхи начинали заранее, повсеместно пекли куличи, красили яйца, делали сыры. Святую неделю проводили в кругу родных и знакомых. Особенно тщательно к Великому Христову Воскресенью готовились военные. Например, согласно Приказанию по 12-му Сибирскому стрелковому полку (крепость Владивосток) от 1 апреля 1914 г. № 121 нижним чинам в первые три дня праздника Святой Пасхи была улучшена пища: вместо гречневой каши давали рисовую, на обед — борщ с полуфунтом свинины, на ужин — по полфунта мяса. Кроме того, выдавались «по 1 фунту кулича (на двоих один 2-фунтовый), по 5 штук крашенных яиц, свинины копчёной бочок по 1/4 фун., на троих по одной 9-коп. булке. Сырной Пасхи по 1/8 фун. на каждого человека... После разговения всем выдавали горячий чай...». В первые три дня праздника нижним чинам показывали «полковой иллюзион в помещении учебной команды и в столовой 3-го и 4-го батальонов [спектакль]» [ГАПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 25. Л. 49].

Досуг на Пасху состоял из праздничного богослужения, обязательного пасхального застолья, или разговения, похода в гости с поздравлениями, посещения кладбищ, служебных награждений и кинопроизводства и т.д. Сугубо пасхальная традиция христосования (троекратный поцелуй с поздравлением и обменом пасхальными яйцами) соблюдалась везде: дома, в храме, в гостях, на улице, с родственниками, знакомыми и посторонними людьми [20, с. 18—19]. При этом официальная общественно-религиозная часть оставалась сильной стороной праздника. Однако к посещению церкви людей влекла не только вера, но и эстетическое чувство, например желание послушать хоровое пение.

Радость от встреч и общения с широким кругом знакомых присутствовала не только в официальной, но и в культурно-развлекательной части праздника, независимо от возраста и социального статуса человека. Особенно в таком общении нуждались дети и подростки. Не случайно на пасхальной неделе 1901 г. были устроены массовые торжества для хабаровской учащейся молодёжи в женской гимназии (320 чел.) и в Николаевском городском училище (420 чел.), куда также прибыли кадеты хабаровского корпуса и ученики технического железнодорожного училища. Хоровое пение, танцы, чаепитие, показ «туманных картин», вручение подарков с искусственными пасхальными яйцами и конфетами дополнило выступление гастролировавшего в то время по Дальнему Востоку фокусника и чревовещателя Отто Шарлье [19, 1901, 8 апр., с. 5]. Участие детей и подростков в праздничных мероприятиях свидетельствовало об объединении духовных интересов разных поколений.

Типичным примером может служить пасхальная неделя, прошедшая в 1912 г. в г. Благовещенске. Культурно-развлекательные программы практически всех учреждений города создавали праздничную атмосферу: работали иллюзионы, в театре Роганова ставились спектакли, в цирке Левентаса давались любительские дневные и вечерние представления.

В помещении Ольгинской школы 28 марта был организован детский праздник со спектаклем (сказка-феерия «Спящая красавица»), пением, танцами и играми. Для взрослого населения в театре Общественного собрания 29 марта состоялся семейно-танцевальный вечер, а на Сенной площади были устроены народные развлечения: карусели, качели и проч. [2, 25 марта, с. 5].

В атмосфере праздника человек наиболее остро ощущал себя одновременно личностью и членом коллектива, осуществлялись контакт и свободное общение, без которых невозможно нормальное существование. Особую важность это приобретало в военное время. Например, Светлое Христово Воскресенье отмечалось в годы Русско-японской войны при обороне Порт-Артура. По воспоминаниям очевидца, день 28 марта 1904 г. «...выдался прекрасным. Японцы дали провести праздник, да и на море не было видно судов... в саду играла военная музыка. Солдаты и офицеры с жёнами гуляли... много публики, несмотря на тяжёлое время войны». По случаю праздника в Порт-Артуре были открыты бесплатные чайные, столовые для солдат [ХКМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1520. Л. 12, 21].

В целом Пасха воспринималась как семейный праздник, главные мотивы которого — счастье и возрождение к новой жизни. При этом большой популярностью пользовались ежегодные благотворительные акции на Светлой неделе «по сбору средств в пользу малоимущих», «раздавались куличи и пасхи бедным, организовывались разговения для нищих» [20, с. 24]. В 1916 г. Благовещенский отдел Приамурского Комитета по оказанию помощи воинам получил пасхальные подарки от Благовещенского епархиального церковно-школьного Комитета по сбору пожертвований и изготовлению вещей для русской армии в количестве 236 предметов, Торгового дома «Кунст и Альберс» в количестве 146 рубашек и 17 кальсон, от учениц благовещенской Алексеевской женской гимназии — 3 ящика весом 7 пудов 2 фунта, в которых находилось 330 разных книг и журналов для чтения и др. [РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 1341. Л. 2, 14–15, 22, 35–36].

Как уже отмечалось ранее, непременным атрибутом всех традиционных праздников являлись народные гуляния: в скверах, на центральных улицах или в городском саду. Здесь организовывались выступления военных оркестров, хоров, устраивались бесплатные качели и прочие аттракционы, включая выступления фокусников и акробатов. Среди массовых увеселений наибольшей популярностью пользовались тир, стрельба с призами, базар вещей, буфеты и киоски с прохладительными напитками и закусками. Для солдат организовывалось бесплатное угощение с выдачей спиртного. Вечер завершался праздничной иллюминацией и фейерверком [19, 1900, 20 авг., с. 9]. Народное гулянье, несмотря на огромную пестроту и разнообразие составляющих его элементов, воспринималось как нечто единое и цельное.

Таким образом, при изучении традиционного праздничного досуга выделение трёх основных компонентов — торжественно-официального, массово-развлекательного, относящихся к общественной жизни, и домашне-бытового, присущего семейной сфере, — является условным [7, с. 212]. По природе своей все праздники принадлежат к явлениям общественным. Роль общества велика как в гражданских, так и в семейных торжествах. Семейное (личное) и массовое (общественное, коллективное) начала в любом празднике взаимопроникают и дополняют друг друга. Различны лишь степень и характер массовости, обусловленные местом проведения торжества.

В целом на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX в. календарная обрядность религиозных праздников как особая духовная часть досуговой культуры, её ядро оставалась стабильно значимой. Однако с ростом общественной активности и самосознания населения наряду с общепринятыми обычаями и обрядами возникали новые формы праздничных мероприятий, такие как устройство балов, костюмированных маскарадов, музыкальных вечеров. При всём разнообразии и пестроте народный праздник воспринимался как нечто цельное. Эту целостность создавала специфическая атмосфера праздничной площади с её весельем, равенством, безудержностью смеха, совместной едой и питьём. Со временем существенно сокращался стихийный характер мероприятий, усиливалась зрелищная сторона праздничных гуляний.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеев А.И. Хозяйка залива Счастья: книга о большой любви и исполненном долге. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1981. 224 с.
2. Амурский листок. Благовещенск. 1912.
3. Амурский Н. Усурийские рассказы. М., 1904. 228 с.
4. Андриец Г.А. История культурной жизни городов юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX века). Владивосток: Дальнаука, 2014. 356 с.
5. Андриец Г.А. Массовые городские праздники на юге Дальнего Востока России (конец XIX — начало XX в.) // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 155—165.
6. Андриец Г.А. Повседневная и праздничная культура дальневосточных городов: сфера досуга (вторая половина XIX — начало XX века) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 114—124.
7. Будина О.Р., Шмелёва М.Н. Город и народные традиции русских. М.: Наука, 1989. 254 с.
8. Бурилова М.Ф. Общество старого Хабаровска (конец XIX — начало XX вв.): по семейным фотоальбомам и прочим раритетам. Хабаровск: Изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 2007. 528 с.
9. Буркова В.В. Маскарад в Хабаровске // ЭПИ: экономика, право, история в школах Хабаровского края. Хабаровск, 1999. Вып. 2. С. 32—34.
10. Вечерняя газета. Владивосток. 1915. № 6.
11. Духовская В.Ф. Из моих воспоминаний. М., 1901. 71 с.

12. Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. Харбин. 1917. № 2—3.
13. Жигульский К. Праздник и культура: праздники старые и новые: Размышления социолога. М.: Прогресс, 1985. 336 с.: ил., 20 л. ил.
14. Кулинич Н.Г. Досуговая культура горожан советского Дальнего Востока в 1920—1930-е годы. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2011. 163 с.
15. Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М.: АИРО-XX, 1995. 160 с.
16. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Уссури, 1990. 302 с.
17. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. СПб.: Азбука-классика, 2004. 256 с.: ил. + вклейки 16 с.
18. Орлова В. Празднование Пасхи в городах России в начале XX в. // Кредо. 1994. № 2. С. 2—9.
19. Приамурские ведомости. Хабаровск. 1897. 1900. 1901.
20. Рогожина Н.Д. Пасхальный праздник в повседневной жизни Петербурга и Москвы в конце XIX — начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 26 с.
21. Русские / отв. ред. В.А. Александров и др. М.: Наука, 2003. 827 с., 8 л. цв. ил. (Серия «Народы и культуры»)
22. Фёдоров Р.Ю. Маркеры этнокультурной идентичности в календарной обрядности белорусских крестьян-переселенцев // Вестник славянских культур. 2020. Т. 55. С. 21—33.
23. Шматова Н.И. Праздничная культура московского дворянства в последней трети XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 19 с.
24. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
25. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).
26. ХКМ (Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова).

REFERENCES

1. Alekseev A.I. *Khozyayka zaliva Shchast'ya: kniga o bol'shoy lyubvi i ispolnennom dolge* [The Mistress of the Bay of Happiness: A Book about Great Love and Fulfilled Duty]. Khabarovsk, Khabarovskoe kn. izd-vo Publ., 1981, 224 p. (In Russ.)
2. *Amurskiy listok*. Blagoveshchensk, 1912. (In Russ.)
3. Amurskiy N. *Ussuriyskie rassказы* [Ussuri Stories]. Moscow, 1904, 228 p. (In Russ.)
4. Andriets G.A. *Istoriya kul'turnoy zhizni gorodov yuga Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka)* [History of the Cultural Life of the Cities in the South of the Russian Far East (The Second Half of the 19th Century — the Early 20th Century)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2014, 356 p. (In Russ.)
5. Andriets G.A. *Massovye gorodskie prazdniki na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Mass City Holidays in the South of the Russian Far East (The Late 19th Century — The Early 20th Century)]. *Rossiya i ATR*, 2007, no. 1, pp. 155—165. (In Russ.)
6. Andriets G.A. *Povsednevnyaya i prazdnichnaya kul'tura dal'nevostochnykh gorodov: sfera dosuga (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka)* [Everyday and Festive Culture of the Far Eastern Cities: The Sphere of Leisure (The Second Half of the 19th Century — The Early 20th Century)]. *Vestnik DVO RAN*, 2013, no. 4, pp. 114—124. (In Russ.)
7. Budina O.R., Shmeleva M.N. *Gorod i narodnye traditsii russkikh* [The City and Folk Traditions of the Russians]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 254 p. (In Russ.)

8. Buriilova M.F. *Obshchestvo starogo Khabarovska (konets XIX — nachalo XX vv.): po semeynym fotoal'bomam i prochim raritetam* [The Society of Old Khabarovsk (The Late 19th Century — The Early 20th Century): From Family Photo Albums and Other Rarities]. Khabarovsk, Izd-vo "RIOTIP" krayevoy tipografii Publ., 2007, 528 p. (In Russ.)
9. Burkova V.V. *Maskarad v Khabarovske* [Masquerade in Khabarovsk]. *EPI: ekonomika, pravo, istoriya v shkolakh Khabarovskogo kraya* [Economics, Law, History in Schools in the Khabarovsk Region]. Khabarovsk, 1999, iss. 2, pp. 32—34. (In Russ.)
10. *Vechernyaya gazeta*. Vladivostok, 1915, no. 6. (In Russ.)
11. Dukhovskaya V.F. *Iz moikh vospominaniy* [From My Memories]. Moscow, 1901, 71 p. (In Russ.)
12. *Zheleznodorozhnaya zhizn' na Dal'nem Vostoke* [Railway Life in the Far East]. Kharbin, 1917, no. 2—3. (In Russ.)
13. Zhigul'skiy K. *Prazdnik i kul'tura: prazdniki starye i novye: Razmyshleniya sotsiologa* [Holiday and Culture: Old and New Holidays: Reflections of a Sociologist]. Moscow, Progress Publ., 1985, 336 p., illus., 20 p. illus. (In Russ.)
14. Kulinich N.G. *Dosugovaya kul'tura gorozhan sovetского Dal'nego Vostoka v 1920—1930-e gody* [Leisure Culture of the Townspeople of the Soviet Far East in the 1920s—1930s]. Khabarovsk, Izd-vo TOGU Publ., 2011, 163 p. (In Russ.)
15. Kupriyanov A.I. *Russkiy gorod v pervoy polovine XIX veka: obshchestvennyy byt i kul'tura gorozhan Zapadnoy Sibiri* [A Russian City in the First Half of the 19th Century: Social Life and Culture of the Townspeople of Western Siberia]. Moscow, AIRO-XX Publ., 1995, 160 p. (In Russ.)
16. Matveev N.P. *Kratkiy istoricheskiy ocherk g. Vladivostoka* [Brief Historical Sketch of the City of Vladivostok]. Vladivostok, Ussuri Publ., 1990, 302 p. (In Russ.)
17. Nekrylova A.F. *Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelishcha. Konets XVIII — nachalo XX veka* [Russian Folk City Holidays, Amusements and Shows. The Late 18th Century — The Early 20th Century]. Saint Peterburg, Azbuka-klassika Publ., 2004, 256 p., illus. and 16 tipped-on p. (In Russ.)
18. Orlova V. *Prazdnovanie Paskhi v gorodakh Rossii v nachale XX v.* [Celebration of Easter in Russian Cities at the Beginning of the 20th Century]. *Kredo*, 1994, no. 2, pp. 2—9. (In Russ.)
19. *Priamurskie vedomosti*. Khabarovsk, 1897, 1900, 1901. (In Russ.)
20. Rogozhina N.D. *Paskhal'nyy prazdnik v povsednevnoy zhizni Peterburga i Moskvy v kontse XIX — nachale XX veka*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Easter Holiday in Everyday Life of St. Petersburg and Moscow from the Late 19th Century to the Early 20th Century: author's abstract of the PhD in hist. sci. diss.]. Moscow, 2009, 26 p. (In Russ.)
21. *Russkiye* [Russians]. Moscow, Nauka Publ., 2003, 827 p., 8 p. col. Illus. (Series "Peoples and Cultures") (In Russ.)
22. Fedorov R.Yu. *Markery etnokul'turnoy identichnosti v kalendarnoy obryadnosti belorusskikh krest'yan-pereselentsev* [Markers of Ethnocultural Identity in the Calendar Rituals of Belarusian Peasant Migrants]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2020, vol. 55, pp. 21—33. (In Russ.)
23. Shmatova N.I. *Prazdnichnaya kul'tura moskovskogo dvoryanstva v posledney treti XVIII veka*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Festive Culture of Moscow Nobility in the Last Third of the 18th Century: author's abstract of the PhD in hist. sci. diss.]. Moscow, 1999, 19 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 10.03.2021